

18+

О горошинах планетах и галактиках

Константин
Кондитеров

Константин Кондитеров

**О горошинах,
планетах и галактиках**

«Издательские решения»

Кондитеров К.

О горошинах, планетах и галактиках / К. Кондитеров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556005-6

Лирическое переосмысление полуавтоматических кошек, саблезубых зайцев, бритвокрылых гадов или обманчивая плюгавость Вселенной в свете критериев двусмысленной ипостаси. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-556005-6

© Кондитеров К.
© Издательские решения

Содержание

White Room	6
100	7
7.400	8
Альтернативная история	9
Берсез	10
Блоха	11
Бот	12
В.Х.	13
Война с миром	14
Воробы	16
Выученная беспомощность	18
Ганнибал Бонапартыч Ужасный	19
Глаза в глаза	20
Глубина	21
Глубокий блеск	22
Гравитация	23
Гражданин Кейн	25
Джаганнат	26
Доблестный	28
Женя	29
Закат цивилизации	30
Зонг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

О горошинах, планетах и галактиках

Константин Кондитеров

Фотограф Игорь Геннадиевич Калашников

Иллюстратор Антон Викторович Горбачёв

© Константин Кондитеров, 2021

© Игорь Геннадиевич Калашников, фотографии, 2021

© Антон Викторович Горбачёв, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-6005-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Я», периодически возникающее в тексте, всего лишь воображаемая точка опоры в условном пространственно-временном континууме. «Я» не свойственны постоянные координаты. Поэтому оно служит удобным инструментом для наблюдения за другими воображаемыми точками с разных этических, эстетических и политических позиций. В любом случае, «я» – собирательный образ, и рекомендую его ко мне не примерять.

Посвящается сливе.

White Room

Прекрасна твоя молодецкая удаль,
богата победами жись.
А мир – это ёжик иглами внутрь.
Давай, дурачок, шевелись!

Ты смотришь в грядущее гордо и смело,
разумен и, в целом, здоров.
А мир – это гробик стандартных размеров.
Шесть стенок и восемь углов.

На стенках рисует цветные картины
упрямое воображе...
А мир – это затканное паутиной,
глухое отверстие в ж...

Но если, близняшка, ты пуст и безмерен,
развеял тяжёлый дым дум,
то мир – это хрупкий игрушечный мерин,
поющий в Ла Скала White Room.

100

Выражаю обеспокоенность!
А чё ещё выражать?
Молодых пучит коитус.
Старых засасывает в: «Жаль.
Вот раньше сгущёнка была гуще.
А теперь эти сволочи ничего не хотят знать!»
Средние стремятся в райские кущи
посрать.
А камни следят и запоминают,
чё вы делали в 14.30.
Им плевать, какие нынче времена.
Они не спешат торопиться.
О чём это я? А, про беспокойство.
Взять, к примеру, Аделаиду Хулиевну.
Приходишь к ней. Набираешь на домофоне 100.
Ждёшь и думаешь: «Ну?!»
А сбоку лежит небольшой булжник,
и смотрит – чё, кто.
А тебя пол изнутри мурыжит.
100.100.100...

7.400

Посол Зимбабве в Черногории
вчера во сне явился мне.
А я сказал: «Иди Григорий, – и —
Я сплю. Не надо мешать мне»
А он такой, вдруг раз, и нет его.
Вместо него какой-то пруд.
Вокруг всё на хрен кем-то съедено
до глубины сибирских руд.
А я то сплю. Не понимаю я
личное кредо «Не замай!»
Не чую, что всё это майя —
посол, Зимбабве, мир, труд, май.
В общем, проснулся в 7.400
в бреду безвыходном, в пруду
безжизненном, тягучем, илистом.
Я на работу не пойду!

Альтернативная история

Восемнадцать лет я отправился в полк
на войну с легендарным драконом.
Аки птица летит мой оседланный волк,
и блестят мои щит с дыроколом.

Моё имя не ведает мой генерал.
Но оно ему станет известно,
когда я перед ним положу минерал,
свежепроизведённый из бездны.

В подсознательной мгле добывается он.
Там его, априори, навалом.
Может быть уничтожен конкретный дракон
экзотическим тем минералом.

Много тысяч пропитанных кровью годов
одолеть мы не можем чудовищ.
А у них в закромах миллиарды пудов
наших потенциальных сокровищ.

Минерал чудотворный отправили в тыл.
Спецкомиссией он забракован.
А меня расстреляли за то, что я был
из одной деревеньки с драконом.

В день шестого брюмера родился я вновь.
За решётками – новая эра.
Справа – Петя, уверенный, что он морковь.
Слева в нише кровать Робеспьера.

В узел связаны сзади мои рукава.
Санитары, как белые пятна.
Уж поверьте на слово, мне так же как вам
вообще ничего не понятно.

Берсез

Успокоенья нет очам,
и сердцу нет отдохновенья.
Квазипрекрасные мгновенья
нас посещают по ночам.
А иногда наоборот
во сне глубоком, как могила,
приходит жуткий обормот,
сжимая в лапах дрель «Makita»,
и долго-долго сверлит мозг.
И нет конца ужасной дрели.
Последний полыхает мост.
Снаружи заперты все двери.

Рыдала дама, сгоряча
заламывая руки.
Они висели на плечах,
испытывая муки.

Нет счастья в жизни. Се ля ви.
У всех вокруг большая фора.
А ты стоишь у сфетофора
в пурпурных бликах, как в крови.
Витрина справа. Там алмаз.
Севрюга слева на витрине.
Увы, всё это не про нас.
Опять нас черти обхитрили.
Опять у Нюры новый муж.
У Ефросиньи новый «мерин».
У Сулико полонник – эллин.
У Клары шуба есть к тому ж.

Позволь, мон шер, перед тобой
сейчас раздвинуть стену моря,
как по воде, пройти по горю.
Оставь тюрьму. Вернись домой.
Смотри, всё просто. Сделай шаг.
Лети и ничего не бойся.
Чело открыто. Ноги босы.
Зефир берсез поёт в ушах.
Себе и миру обещай,
забыв навек про боль и счастье,
летать, смотреть и восхищаться,
кружиться, петь и восхищать.

Блоха

У блохи мадам Петровой
в голове покатоЙ
жили были электроны
между атомов.
Оттого она скакала
вдоль по лысине,
под которой среди кала
крылась истина.
В этой лысине учёный
нёс гипотезы,
поднимал проблемы чёртовы
из гипофиза.
Невдомёк мадам Петровой
эти мелочи.
Прыгает с усов на брови
точно белочка.
Ей Бенито клещ заморский
очень нравится.
И сама она не просто
красавица.
У неё зачётный пирсинг
и мейкап.
Клоп Сергей её за писю
водит в клуб
и другие интересные места,
куда ползает не каждая глиста.
Так давненько в этом мире
повелось:
кому бумажечка в сортире,
кому гвоздь.

Бот

Среди роз, астромерий, гвоздичек,
чичипатлей больших среди двух,
защищённый от ветра и птичек,
вырос как-то в теплице лопух.
Жизнь в теплице полна сытой лени.
Никаких тут жучков-червячков.
Перед флорой упав на колени,
смотрит зорко ботан из очков,
чтоб от хворей краса не увяла
чтоб атласным был кожный покров,
чтобы рядышком не стояло
омерзительных сорняков.
Изучив генотип барбариса,
через почву впитав его дух,
незаметно для всех притворился
барбарисом обычный лопух.

Уважаемые мужчины,
не забудьте, у женщин есть нюх.
Сразу чует любая фемина,
кто тюльпан, кто обычный лопух.
Дорогие цветов избиратели,
от обмана гарантии нет.
Так что, будьте предельно внимательны,
выбирая красивый букет!
Отношения могут испортиться
до конца ваших жизненных дней,
если купите вы пересортицу
и подарите дроле своей.

В.Х.

Не лови его на манку,
на червя, на страх, на грош.
Не желает брать приманку.
Не поймаешь, не поймёшь.

Воротит от манки харю,
то бормочет, то молчит.
Съест какой-нибудь сухарик.
Потеряется в ночи.

Червяка на раз приметит,
переступит, обойдёт.
Стороной скользнёт, как ветер.
Ты куда? Туда. Вперёд!

Страху весело и прямо
смотрит в пасть голодных глаз.
Не моргнёт, назад не прянет.
В сердце мгла не напряглась.

Без гроша в кармане рваном.
Ни копейки за душой.
Велимир ушёл в нирвану.
Там без денег хорошо.

Война с миром

Выкинь аптечку с антибиотиками.
Купи ботинки со светодиодами.
Поменяй фамилию на Древний-Римлянин
(дефис добавляет абсурда имени).
Выучи задом наперёд «Войну с миром»
Толстого и наизусть декламируй
в общественных местах, в гостях у Лизы,
оформляя рабочую визу
в старом проконсульстве Антарктиды,
расположенном где-то близ Моховой,
где посетители странного вида
телепатически общаются с тобой.
Смысл их ментального шёпота ясен,
но на человеческий непереволим.
Что-то вроде: «Уходи, Вася.
Дальше будет хуже. Вася, уходи!»
Но поскольку ты Древний-Римлянин, наспор
вынь из уха золотую змею
и, левитируя, покажи им паспорт.
На последней странице, на самом краю
они увидят квартиру номер восемь
и хором скажут: «Ничего себе!
Потрясающий санузел! Восхитительные обои!
Оставайся, хрен с тобою.
Учи язык. Смотри периодику.
И выключи к чорту светодиодами!»

А ты сначала закошишь под простого.
А потом выдашь задом наперёд Толстого
с комментариями Чебурашки,
да так лихо, что по спине мурашки!

Воробьи

Воробьи в Москве – дефицит.
Поди найди воробьёв.
Это вам подтвердит
орнитолог А. М. Воробьёв.

Специальный корреспондент
сетевого издания «И?»:
– Проясните нам этот момент,
Александр, а где воробьи?

Орнитолог А. М. Воробьёв:
– Я вчера, братец, дёрнул грамм сто.
Иду мимо. Гляжу, ё-моё,
где кусты? Ни фи́га нет кустов.
ТРЦ «Юлий Цезарь» стоит
на их месте помпезный такой.
Захожу. Там приятель Саид.
Он торгует умелой рукой.
Чинит вещи по воле людей.
Он закрыл свою лавочку, и
мы в овраг ушли от людей.
Он мне тоже: «А где воробьи?»
говорит, сделав парочку тяг...
то-есть выпив глоточек чайку.
Тут подходит Серёга Напряг.
Он нам: «Ы!». Ну а мы ему: «Ку!».
Затянулся он с нами... чайком,
покрутил головой своей, и
сел на травку, сказал басом: «Ом.
Харе-харе. А где воробьи?»

Специальный корреспондент
сетевого издания «И?»:
– А рандомный не спрашивал мент
вас в овраге «А где воробьи?»

– Со второго подъезда Сафрон
(в параллельном учился со мной)
рядом ел. Служит опером он.
Сам себе человек и запой.
Он с детишками жарил шашлык.
Дети, ясное дело, шмыг-шмыг.
Он кивнул нам. Кивнули мы. И
вроде здесь ни при чём воробьи.

Специальный корреспондент

сетевого издания «И?»:

– Как вы думаете, сколько лет
надо, чтобы опять воробы
по утрам в выходные будили людей,
щебетали в окно чик-чирик,
отвлекая от вредных идей
вроде разных империй и иг?

– Если Серый с Саидом не врут,
три часа восемнадцать минут.
Но для этого надо в овраге
вместо лавочек ставить коряги.
Снести к чёрту «Юлия Цезаря».
(здесь запикан отчаянный мат)
И кусты все, которые срезали,
повтыкать хаотически взад.

Выученная беспомощность

«У вас выученная беспомощность. —
сказал ему врач искалеченных душ, —
Её вам внушили эти сволочи.
Ну, вы понимаете»
Он вздохнул: «Да уж...»
Доктор продолжил: «Жить вам страшно,
хотя и держитесь добрым тарантулом.
Вам вбили в голову, что есть, кто старше,
сильней, умней, ловчей, талантливее,
красивше, добрее, кудрявей, богаче,
послушней, авторитетней, стройнее, толще,
удачливей, гибче, веселей, накачанней,
дисциплинированной, сосредоточенней,
чище, стильней, борзей, осторожней,
тактичней, серьёзней, нахрапистей, злее,
храбрее, усидчивей, надёжнее,
даст вам фору в «очко» и бобслее,
образованнее, породистей,
разборчивей в сортах пармезана или халвы,
прогноз в городе и по области
слушает внимательнее, чем вы,
не имеет привычки чесать промежность,
стрижётся у элитного волосочёса,
к фотографиям котят испытывает нежность,
читал в подлиннике Гегеля и Чосера,
может лечь на любую амбразуру,
удостоился общения с ангелами и Самим,
в анналы истории башку просунул,
посетил Лыткарино и Иерусалим,
дослужился до старосты по палате,
лучше постится и грешит.
Что вы! Успокойтесь! Хватит!
Перестаньте меня душить!»

Ганнибал Бонапартыч Ужасный

Ганнибал Бонапартыч Ужасный суров.
У него на затылке Суворов
татуирован приподнимающий бровь,
пресекающую разговоров
беспреданное эхо в дремучем строю.
По уставу молчащим героям
я на маршевой лире кудряво пою.
Ибо все соловьи геморроем,
соблюдая регламент и прихоти мод,
выражают покорно страданья.
Нависает над миром Пизанский комод.
Из него долетают рыданья
до штурмующих стены комода рабов,
возлюбивших сваго господина.
И пасутся стада племенные клопов
на яру как простая скотина.
Их сермяжная нутрия неуставной
растворяет иронией ставни.
И в окошке на фотке лубочно-срамной
проявляется лик стародавний.

Глаза в глаза

Тает в надире рыжий
Солнца чеширский кот.
Всё ближе ближе ближе
стеночка, эшафот.

В карманчике белым платочком
флайер за горизонт,
в неизбежную точку,
в одну из пчелиных сот,
в жучиный холодный отблеск,
в мартиновскую печь,
в имущества ветхого опись
блэклой циферкой лечь.

Весёлой расстрельной команде
недолго тебя вести.
Нелепый, как слон на канате,
нащупывая Стикс,
босыми ногами шатко
движешься по прямой
в дурацкой клоунской шапке
выцветшей и кривой.

Весело тебе в спину
тычут то штык, то приклад,
дышат в затылок пивом:
«Шевелись, брат!
Давай поскорей закончим
эту трагикомедь.
Ребятущкам давно хочется
копеечкой позвенеть.»

Стена щербатая серая,
виселица, топор —
выбор от сих до седова.
Тьмы и тьмы глаз в упор.
Сердце чирикнуло в терцию
крайнего такта из-за.
Улыбнись по-детски
просто, глаза в глаза.

Глубина

Плоскости и углы.
Углы и плоскости.
Плоские улы-
бки улицы. Угольный стиль.
В мире чертёжном
невозможен объём.
Как художник
оказался в нём?
Что сюда
его занесло?
А, ну да —
ремесло,
привычка
на плоскости холста
создавать птичку
позади куста.
А за птичкой обзорная
степь пуста.
А за степью разорванный
хребет моста.
Дальше трупики те,
та рваная вся
Земля на холсте.
С холста выйти нельзя
тем, кто выжил
в очередном бою,
тем, кто ниже и выше,
в аду и в раю.
Правый глаз Солнца,
левый – Луны,
принадлежащие лоцману
таинственной глубины,
как бы движутся,
видя тебя насквозь.
Пейзаж напишется.
Мы его на гвоздь
повесим, плоские узы
стены
нарушив иллюзией
глубины.

Глубокий блеск

Стоят полковники русского авангарда
на фоне горячей разрушенной Трои.
Сияют нимбы золотыми кокардами.
Держат перья мифические герои,
словно копья, вертикально в строю.
Грозди нимбов. Копий лес.
Я, как могу, копирую
перьев и глаз их глубокий блеск.

Гравитация

Растопырил вертолёт
бешеные лопасти.
Век свободы не найдёт
человек на глобусе.
Не крути, дружок, штурвал,
проявляя рвение.
Кто-то всё тебе наврал,
спутал направления.

Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр поршня
в двигателе клацают.
Навалилась на тебя
сука гравитация.

Кровью пенится река.
Цепь могилки вдоль реки.
Буром прут издалика
саранча-комарики.
Отражается в воде
морок джунглей каменных.
И не спрятаться нигде
от прицела камеры.

Словно птица в кулаке
бьётся сердце частое.
Затухает вдалеке
уголёчек счастья.
Поднимается дымок
едкой сажей-копотью.
Скрыли неба потолок
мухи – вертолёты.

Ой река, вода, года,
мутная история.
Рыб заносит в невода
жизни траектория.
В небе ангелы гудят
серафимы бесятся,
не пускают в рай тебя
по господской лестнице.

А мы кепочку на бровь,
да на зубы масочку.
И давай пляши буровь
кровяной колбасочкой
мимо кибермухоптиц,

мимо нанопакости,
мимо правил и границ
прямо в небо. Накося!

Гражданин Кейн

Я сочиняю байки.
Я нагоняю жути.
Девочки ставят мне лайки,
мальчики грубо шутят.
Я продавец пиара.
Я господин иллюзий.
В рамках земного шара
под мою дудку люди
пляшут, смеются, плачут,
ведут себя, как макаки.
А я сижу на даче
в далёком посёлке Монако

Я транслирую радость.
Я транслирую горе.
Гоню вам сладость и гадость,
сидя на даче у моря.
Я формирую души,
сыплю перец на раны.
В саду моём эпл и груши
и золотые бананы.
В саду моём бродят павлины
между скульптур и фонтанов.
Леплю из податливой глины
людишек, богов и титанов.

Джаганнат

Ты ела мясную продукцию
под вывеской «Шаурма»,
мечтала об отпуске в Турцию.
Вокруг возвышались дома.

От автомобильных вибраций,
от уличной нечистоты
хотела подальше убраться
в недельную Турцию ты.

По нежному подбородку
мясной желтоватый сок тёк,
когда аккуратной походкой
к тебе подошёл паренёк.

Светящимися глазами
тебе посмотрел он в глаза.
Его взгляд на шаурме замер.
Вздыхнул он и просто сказал:

«Я очень прошу извинения.
Возможно, неправ я сейчас.
Однако, возникли сомнения
внутри меня при виде вас.

Такая вы чистая, нежная,
воздушная словно безе,
в стилистике, вроде бы, смежная
с фантазиями Бизе.

Вы в ауре света. Я тоже.
Носители двух аур мы.
Меня называют Серёжей.
Оставьте стезю шаурмы.

Представьте страну, где бояться
не надо животным ножа,
где вместо тлетворного мяса
на полках вкусняшки лежат,

где трупы животных и нищий
с большой голодухи не ест,
где друг человека – не пища,
а друг человека – зе бэст.

Представьте страну, где все птички

на веточках кучно сидят.
И птичек и птичьи яички
безнравственно там не едят.

Представьте страну, где все рыбки
свободно гуляют в пруду,
расплывшись в счастливой улыбке,
не зная про сковороду.

Оставьте мясную продукцию,
молочный сыр и шоколад.
За это я вас на экскурсию
сейчас поведу в Джаганнат.»

Ты встала. Дала ему руку.
Прижалась к плечу паренька.
С тех пор ты животных на муку
не стала уже обрывать.

На очень реальных событиях
основан правдивый сюжет.
События прошли, но забыть их
вы оба не в силах уже,

поскольку через девять месяцев
вы объединились в семью.
Спустились из ЗАГСа по лестнице.
Купили билет в Индию.

Прошёл там ваш месяц медовый
под шум океанской волны.
Питались веганской едой вы,
мечтательны и влюблены.

Примером вы служите каждому,
не портите карму бедой.
Питайтесь, пожалуйста, граждане,
вегетарианской едой!

Доблестный

Уланский конь скакает в поле
по окровавленным телам.
Воюют Liqvi против Moli.
А он мятежный по делам
спешит среди преторианцев,
среди отчаянных голов,
аборигенов, иностранцев,
интерпретаций и полов.

В седле стучит скелет улана.
Под кастаньетами костей
грызёт поводья конь буланный.
Висит погоня на хвосте
полупрозрачным чёрным бантом.
Аллегорически смеясь,
стоит над схваткой на пуантах
в толпе вельмож почётный князь.

На главной площади Царьграда
под бой часов, под звуки му,
принципиальную награду
вручит с улыбкой он ему.
Введут бояре мораторий.
Издаст правительство указ.
И навсегда исчезнут хвори.
И слёзы высохнут у глаз.
И снова вырастут берёзы.
Самцам дадут по три рубля.
Всем женщинам подарят розы,
любовь на свете углубля.
Любви прекрасное подбрюшьё
теперь не тронет простатит.

Но конь уланский на конюшне,
увы, недолго простоит.

Женя

Надо отметить географическое положение
нашего героя, чтобы понять
историческое значение Жени.
Это сейчас континентов пять.

А тогда одна Пангея
омывалась водами Панталассы.
В центре Пангеи стоял Евгений.
Его окружали народные массы.

Только что наступила Эпоха Сновидений.
Народные массы за годом год
шли по кругу. В центре стоял Евгений,
задумчиво глядя куда-то. Вот.

Падали кометы. Гибли динозавры.
Разбилось блюдо древнего материка.
Прошло вчера. Наступило завтра.
Время не тронуло окаменелого паренька.

В тесной пёстрой суете мегаполиса
Женю не замечают народные массы.
Во-первых, он тихий. Во-вторых, ненапористый.
В-третьих, стоит далеко от кассы.

Закат цивилизации

В поле стоял неподвижный бык.
Мимо лягушка прыгала.
Землю пахал древнеримский мужик.
В Риме балдел Калигула.
В столице золото, парча и шёлк.
Стража кошмарит нищих.
Всё чисто, ровно, хорошо.

Но у Калигулы прыщик
выскочил, чёрт бы его побрал,
прямо на ягодице,
когда император в сортире... был.

В воздухе пели птицы.
В поле стоял неподвижный бык.
Мимо лягушка прыгала.
Землю пахал древнеримский мужик.

«Прыщ!» – закричал Калигула,
императорской топнул ногой,
закрыв древнеримский журналчик,
где на фото его дорогой
квазигламурный мальчик
в парламенте пылко речь говорил
про сладостное подчинение,
про жизнь с позолоченным... жезлом внутри.
Калигула, коченея
от попрания свободы
своей элитарной жопы
каким-то прыщом неизвестной природы,
о будущем Европы
задумался. Под потолком сортира
летала крылатая муха.
Древние мухи в древнем мире
водились. Земля им пухом!

Потом появились пешеходы,
пылью и потом пропитанные.
Случилось великое переселение народов.
Варвары победили пидоров.

Зонг

Обрыдла логика Нерону.
Вон он поёт. Пылает Рим.
Глядит зеркальный ворон в Рону.
Слеза распахивает грим.
Флюид стекает каплей с пальца,
уничтожая кляксой текст.
Вампир отсасывает кальций
для файловой системы ext.
Нерон поёт об Иллионе.
Свод неба пламенем объят.
Нули поплыли в биллионе.
Сестерций в августе на яд
песнионерам будет выдан
помимо зрелищной муки.
Вино с цикутой – плебсу к идам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.